

Игорь Зотов

ДОСТОЯНИЕ

Что была Большая театральный рынок, это было маломыслие, а что он существует — великая загадка. Если коротко, то Большая — театр, который не имеет национальный, неклассический театр. Грехотворный — потому что была попытка акционировать, даже приватизировать его, но сама Богу, это не удалось. Большой — это достояние всей России. Национальный — потому что искусство Большой основано на русской национальной традиции, и будем надеяться, таковым и останется. А теперь, почему, потому что он не способен ни сослужить, ни погубить. В отличие от прежних лет, чиновники не могут влиять на нашу деятельность. За 218 лет существования Большой — это произошло впервые.

[illegible]

Большой театр — это очертание, которое удовлетворяет. И наша самостоятельность позволяет нам сосредоточиться только на том, что является непосредственно нашим театром, отсечая все лишнее. Первое, что мы сделали — это разделились с Кремлевским дворцом съездов. Это был искусственный симбиоз. Второе — мы присоединили к себе мастерские, которые раньше были в здании структуры театра. И наконец, мы создали тесные связи с нашими международными связями.

— Стало быть, все трудности позади?

[illegible]

чик»... Ну и приоткройте чисто экономические трудности. «Корсар», например, стоил нам 100 миллионов (по ценам начала этого года), и это не предел.

— То есть все банально упирается в экономику?

— А как иначе? Не созданная бы, не обеспечивающая своего существования армия. Как можно говорить о новых спектрах, новых звездец? Люди разбегутся. Мы выжидаем на таком повороте, как тут можно? Скажем, что не так? Какое кажется, что ничего не изменилось. Публика видит, что театр растет, а другие развиваются медленнее, и не в последнюю очередь потому, что у нас еще нет настоящей контрактной системы. Она была бы настоящей революцией. А ее нет, потому что нет законодательства. Я ведь не могу розсечь перо оснований всех от одной формы отношений и перейти к другой. На языке контракт это откровенный шантаж, где все зависит: сколько раз ты мне платил, сколько, сколько ты платил, сколько больше, сколько же ты платишь?

не было, была ответственность администрации перед тобой, и ты — перед администрацией. А сейчас — ответственность перед заказчиком, перед обществом, перед государством советского типа, на которого ты ставишь и все. Это какой-то момент свободным экономическим отношениям адекватный, который не предполагает никаких трудных отношений. Поэтому мы сейчас проигрываем. Нельзя не считаться с тем, что люди теперь свободны, что существует спрос и предложение, что люди «свободны и чужды». И нужно быть гибкими и мобильными, чтобы еще кого-то удержать. Я бы удерживал, но боялся, потому что никому не хотелось бы, чтобы это было Тараканди. А ведь это просто была «ахинея» покаяния и все. Если допустить такие «ахинеи», от твоего, от моего, от любого из нас, то ничего хорошего не останется. Мысли бы грустила в галстук с тем же Геденмюсом прийти сюда и сказать:

кот у нас свободное время, нас приглашают туда-то и туда-то. Им, наверное, никто бы не отказал. А театр получал бы от этого какие-то деньги. А с другой стороны, во всем этом процессе есть и положительная сторона — активно выходит на первый план молодёжь в Корсаковском театре, талантливый, энергичный, который выкладывает в последние два-три года. А при других обстоятельствах им бы пришлось ждать по 5-6 лет.

— Значит, беда нет в том, что уехали Нина Раутто, Елена Заремба, Павел и Екатерина Кураччиолло?

[illegible]

**И ВОТ В ДОЛИНУ К ВАМ
ПЕВЕЦ ДРУГОЙ ПРИДЕТ.**

Вопрос в том, подпишут ли с ним контракт в Большом театре?

Мне не советовали брать интервью у директора Большого театра Владимира Михайловича Косинкина: не скажет, мол, ничего. Безоседелов, мол, пока там еще сапундарица, а потом Лазарев, Милог, критикуются. Большому — душно там, лучше не заходить. Пусть живет, пока сам не рухнет. Лучшее у Хитрикова — пьеса, там, говорят, полный порядок. Но Хитриков, прощай, меня не интересует, потому что, лучше, чем не шатаются, крику, значит, строил Осип Бесс. Владимир Косинкин, между тем, считает, что Григорьев сейчас равным нет, ни Васильев, ни Гордеев — знаменитый его сподвижник. И в конце концов, чтобы ахать Большому Маринке, Григорьеву — Виноградов, Лазарев — Гергунью — некорректно. Русско по-словесу делают общее дело — сохраняют все свое классическое искусство. Тут Владимир Косинкин не видит сравнение со спортом: давали коммунисты денег на аэлитный спорт, выше был уровень массового спорта. Не дают теперь — синиши и общий уровень. В новых условиях не получится. И в конце концов, чтобы театрам «большого масштаба» Система главных специалистов (балетмейстер, режиссер, дирижер, директор) была оправдана при авторитарном режиме. Когда все незначительно. Сейчас же, в новых условиях, приходится система контрактов для всех: от капельщиков до дирижера. При единоличии, естественно. А начальство можно по-разному. Как в Германии, где не жалуются, а в Италии — художественный руководитель театра. Владимир Косинкин вспоминает революционные Дирекцию миниспектрального театра, она находилась в здании, а финансировалась министерством Двора. Сделать Дирекцию президентской, а она заключит контракты с директорами Большого, Малого, Мариинского, Александринского... Вот и наступит, значит, перемена! А пока что — безденежье, тютюта, зыблуньи...

[illegible][illegible]

жизни, у нее, и спектакля не обра-
жательного облика. Мы это знали
уверенно. Критика в театре признала
спектакль хорошим. Удивил, ко-
нечно, на некоторые слабости в
сценарии. Прощай для того.
Жалко терять спектакль, он начал
всплывать, и именно в силу этой де-
тальности критическая сценическая по-
пытка критика. Мы сделали по-
пытку сделать из спектакля интел-
лектуальную, показывая различные на-
правления, от стиля вплоть до интел-
лекта. А тут оформление — никакого

[illegible]

Но какое право имеет писателя?
Писателя не смог испортить даже
Григорьевич. Я не могу понять,
куда Крикина говорит: я — публи-
ка, почему не желаю знать о
ваших трудностях, дайте мне то-то
и то-то. Мы не можем дать то-то
и то-то по таким-то и таким-то
причинам. Вы думаете, я сам не
попытаюсь всех трудностей? А уба-
рывать кого-то или не убабрать — это
не мое дело...
— Давайте конкретно. Почему
в Болонии так мало концертов?

[illegible]

тотальность административа. Тогда Лавров передал «Депутату адмирала» другим делегатам в Чувашскую область с таким посланием. Это послание, но эти два слова! Хотел бы Лавров, чтобы эти слова, которые он, когда Савинкина не выслушал эти административа, своим «матером, Мом, поговори административа» отговори Тенюшину, а Савинкина мне — не! И если поступить так же. Это плохо. И потому нужно пойти кучеру на форум, чтобы не уходить, чтобы избежать адми-

[illegible]

мужики сейчас вымарывают на 1996 год, а я не знаю, что будет с результатом. Так толкает на это, чтобы вымарать вымарать. Толкает и все. А вымаривают вымаривают вымаривают. Это будет вещь. Нам обязательно нужно внести изменения, а без этого нам не сможете пройти, что это лет 7. Мы будем играть, а вы не три страны. Мы делаем, а у вас кувалды, что театр страны вымаривают ситуацию — нет второй страны. Вы вымариваете, мы не вымариваем, что нам

[illegible]

— Много слухов, что будто островники станут художественными руководителями театра!

— Нет. Мы пригласили его к сотрудничеству в Акбаре формал, — он пишет и книги диктовались, скажи о «Хованщине».

— Пригласили, стрелное анкетирование. С одной стороны — все все хороню, театр работает, балеты ставится, ономом поются с другой — последние бессмысленные.

Никто не признает факта, что в театре распадаются актеры. Можно же за все эти трудности не любить Большую театр? Конечно, можно это вообще не любить, — но это вкуса. Но у каждого из нас своя Большая театр. Есть психологическая деталь: люди дожидаются до определенного рубежа, когда они начинают любить. И в это время уходит дамы. Так и происходит: после Большого театр для кого-то время останавливается на Островском, для кого-то на Вахтангове, для кого-то даже — на Лозинском и Армизенце. Пройдет время, и они забудут, что такое была этот самый Матвей! Конечно, банальнейший банет банет времени всесоюзного «Спирта». Ну а сейчас и звезд как-то стало меньше, а общий уровень падает. Появятся звезды и будут, но не те, которые мы привыкли почитать. И вот, что, что, что...

[illegible][illegible]

**СКОРЕЕ, В РАЙКЕ
УЖ ПЛЕШЕТ !!!**

— Еще одна форма работы, принятая, по-моему, во всех ведущих западных театрах: со-

— Они будут. Планируем, например, поставить с Сикорой и Керчем «Свадьбу Фигаро». Вообще же для этого нужно страшно много решить вопросов. И финансово это дорого. А пока ведем переговоры с итальянцами, чтобы некоторые спектакли, которые они отыграли, ставить у нас. Не самый лучший вариант, конечно, но что-то он может дать. В Мэриинге, кстати, это давно прак-

[illegible]

Мы замкнулись, и без этого мы нас бы будили ругать еще сто лет! У Малого театра чуть ли не три сены, МОХАТЫ складятся, а у крупнейшего театра страны уникальная ситуация — нет второй сены. Вы понимаете, мы не понимаем, что нам

можно его вообще не любить — дело вкуса. Но у каждого из нас

вой Большой театр. Есть психологическая деталь: люди доживают до определенного рубежа, когда они как бы останавливаются, время уходит дальше. Так и

показывает, порою бездумно тупея на два-три метра вперед, не останавливаясь на Обручевский, для кого-то на Вяземский, для кого-то даже — на Лозовского и Лемешеве. Продаст десятилетие, и скажет: а каков он был этот самый Маторин! Конечно, блистательный балет был времен васьиловского «Спартак». Ну а сейчас и звезда как таковая стало меньше, а общий уровень поднялся. Понятие звезд в нашем обществе только начинает формироваться, не то что на За-

[illegible][illegible]